

Примерная беседа для учащихся среднего и старшего школьного возраста

22 июня 1941 года фашисты без объявления войны перешли границу Советского Союза. Фашисты говорили, что Москва – это сердце России, а Ленинград ее душа. Как человек не может жить без души, так и страна потеряет свой боевой дух, когда лишится Ленинграда. Поэтому один из основных ударов они направили на этот город с целью стереть его с лица земли.

Но жители мужественно обороняли свой город. Мужчины и вчерашние десятиклассники стали солдатами, первыми создав армию народного ополчения. Женщины рыли окопы вокруг города. Солдаты устанавливали противотанковые укрепления. Началась эвакуация мирных жителей.

Но, несмотря на героическое сопротивление наших войск, фашисты вышли к Неве, перерезав железную дорогу, связывавшую Ленинград со страной. Фашисты подошли так близко, что могли рассматривать город в бинокль. Они заняли Пулковские высоты.

Первые фашистские бомбы были сброшены на город 6 сентября 1941 года. За время блокады фашисты сбросили более 107 тысяч бомб и 150 тысяч снарядов.

8 сентября 1941 года началась 900-дневная блокада Ленинграда.

Бомбежки и артобстрелы были не единственной опасностью для жителей. Самым страшным испытанием стал голод. На 12 сентября наличие основных продуктов питания составляло: хлебное зерно и мука на 35 суток; крупа и макароны на 30 суток; мясо и мясопродукты на 33 суток; жиры на 45 суток; сахар и кондитерские изделия на 60 суток. Продукты стали выдавать по карточкам. В пищу шло все: опилки, жмых, казеиновый клей.

Снабжать город приходилось довольно сложным путем. Подвозили по железной дороге к восточному берегу Ладожского озера, затем до прекращения навигации продукты грузили на баржи и водным путем доставляли до специально построенной железнодорожной ветки, а затем доставляли в Ленинград. Это был тонкий ручеек, лишь в малой степени удовлетворявший потребности ленинградцев. С приходом зимы трасса, названная Дорогой жизни стала проходить по льду

Первыми по ней пошли конные обозы с хлебом. А когда лёд стал толще, продукты повезли на грузовиках. На обратном пути из города вывозили слабых, обессиленных ленинградцев. Много трудностей подстерегало шоферов. Днем и ночью налетали на колонны с грузом вражеские бомбардировщики, вражеская артиллерия вела прицельный огонь. Часто лед трескался и машины тонули.

В самые страшные голодные дни люди получали в день всего 125 г! Сейчас мы порой не едим хлеб совсем. У нас много другой еды. Но тогда... Кроме хлеба есть было нечего.

Многие жители не перенесли этой зимы. Они умирали прямо на улицах, не дойдя до дома, умирали в промерзших домах, падали без сил у станков. Если вы были в Ленинграде на Пискаревском кладбище, значит, видели огромные братские могилы, в которых похоронены сотни тысяч ленинградцев. В музее этого кладбища есть дневник маленькой девочки Тани Савичевой.

Изо дня в день она записывала: «Женя умерла 28 декабря в 12:30 часов 1941 года. Бабушка умерла 25 января в 3 часа дня 1942 года. Лека умер 17 марта в 5 часов утра 1942 года. Дядя Леша – 10 мая в 4 часа дня 1942 г. Мама – 13 мая в 7:30 часов утра 1942 г. Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня...»

Таню успели эвакуировать, но она прожила недолго и умерла от истощения.

За все время блокады умерло от голода около 800 тысяч жителей.

Придет человек домой. Окна заклеены полосками бумаги крест-накрест, чтобы стёкла не разбились от взрывной волны. Холодно, потому что нет отопления, и воды тоже нет, ни

горячей, ни холодной. На стене чёрная тарелка – это радио, оно постоянно включено, слышны удары метронома. В любой момент могут объявить «Воздушную тревогу». Печка «буржуйка». Пока её топишь - тепло, перестанешь топить – холодно.

Дров тоже было очень мало. На топливо разбирали разбомбленные дома, мебель. За водой приходилось ходить на Неву или к колонкам, которые специально установили на улицах города.

Даже в жутких условиях блокадной жизни, когда не хватало еды, воды, дров, теплой одежды, дети продолжали учиться. Опасен и тяжел был путь в школу. Ведь на улицах часто рвались снаряды, и идти приходилось через снежные заносы. В школах стоял такой мороз, что замерзали чернила. Ученики сидели в пальто, шапках и рукавицах. Руки мерзли, а мел выскакивал из пальцев. Ученики шатались от голода.

Город не просто выживал, он давал фронту танки и самолеты. За 900 героических дней более 2000 танков, 1500 самолетов, 150 тяжелых орудий, 12000 минометов и пулеметов, 10 миллионов снарядов и мин. На заводах и фабриках работали женщины, старики и инвалиды, потому что все мужчины ушли на фронт. Но рабочих рук не хватало. Тогда на помощь пришли мальчишки и девчонки.

Многие из них становились на подставки, чтобы достать рычаги своих станков.

Люди собирали посылки для бойцов. Вязали варежки, носки. Помогали в госпиталях. Разбирали письма на почтах. Каждый жил с одной мыслью “Всё для фронта – всё для Победы!”

Сотни юных ленинградцев были награждены орденами, тысячи – медалями «За оборону Ленинграда». Через всю многомесячную эпопею героической обороны города они прошли как достойные соратники взрослых. Не было таких событий, кампаний и дел, в которых они не участвовали. Расчистка чердаков, борьба с «зажигалками», тушение пожаров, разборка завалов, очистка города от снега, уход за ранеными, выращивание овощей и картофеля, работа по выпуску оружия и боеприпасов – всюду действовали детские руки. На равных, с чувством исполненного долга встречались ленинградские мальчишки и девочки со своими сверстниками – «сыновьями полков», получившими награды на полях сражений.

В январе 1944 года город был полностью освобожден от врагов. В честь выигранного сражения над Невой прогремело 24 залпа торжественного салюта.

Рассказы для обсуждения в среднем и старшем школьном возрасте

Ю. Яковлев. Девочки с Васильевского острова

Умерли все. Осталась одна Таня.

Из дневника Тани Савичевой.

Ленинград, 1942 год.

Я Валя Зайцева с Васильевского острова.

У меня под кроватью живет хомячок. Набьет полные щеки, про запас, сядет на задние лапы и смотрит черными пуговками... Вчера я отдубасила одного мальчишку. Отвесила ему хорошего леща. Мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо...

У нас на Васильевском всегда ветрено. Сечет дождь. Сыплет мокрый снег. Случаются наводнения. И плывет наш остров, как корабль: слева — Нева, справа — Невка, впереди — открытое море.

У меня есть подружка — Таня Савичева. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, дом 13. Четыре окна на первом этаже. Рядом булочная, в подвале керосиновая лавка... Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня еще не было на свете, на первом этаже всегда пахло керосином. Мне рассказывали.

Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь. Она могла бы давно уже вырасти, стать учительницей, но навсегда осталась девчонкой... Когда бабушка посылала Таню за керосином, меня не было. И в Румянцевский сад она ходила с другой подружкой. Но я все про нее знаю. Мне рассказывали.

Она была певуньей. Всегда пела. Ей хотелось декламировать стихи, но она спотыкалась на словах: споткнется, а все думают, что она забыла нужное слово. Моя подружка пела потому, что когда поешь, не заикаешься. Ей нельзя было заикаться, она собиралась стать учительницей, как Линда Августовна.

Она всегда играла в учительницу. Наденет на плечи большой бабушкин платок, сложит руки замком и ходит из угла в угол. «Дети, сегодня мы займемся с вами повторением...» И тут споткнется на слове, покраснеет и повернется к стене, хотя в комнате — никого.

Говорят, есть врачи, которые лечат от заикания. Я нашла бы такого. Мы, василеостровские девчонки, кого хочешь найдем! Но теперь врач уже не нужен. Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. Ее везли из осажденного Ленинграда на Большую землю, и дорога, названная Дорогой жизни, не смогла подарить Тане жизнь.

Девочка умерла от голода... Не все ли равно отчего умирать — от голода или от пули. Может быть, от голода еще больнее...

Я решила отыскать Дорогу жизни. Поехала на Ржевку, где начинается эта дорога. Прошла два с половиной километра — там ребята строили памятник детям, погибшим в блокаду. Я тоже захотела строить.

Какие-то взрослые спросили меня:

— Ты кто такая?

— Я Валя Зайцева с Васильевского острова. Я тоже хочу строить.

Мне сказали:

— Нельзя! Приходи со своим районом.

Я не ушла. Осмотрелась и увидела малыша, головастика. Я ухватилась за него:

— Он тоже пришел со своим районом?

— Он пришел с братом.

С братом можно. С районом можно. А как же быть одной?

Я сказала им:

— Понимаете, я ведь не так просто хочу строить. Я хочу строить своей подруге... Тане Савичевой.

выкатили глаза. Не поверили. Переспросили:

— Таня Савичева твоя подруга?

— А чего здесь особенного? Мы одногодки. Обе с Васильевского острова.

Но ее же нет...

До чего бестолковые люди, а еще взрослые! Что значит «нет», если мы дружим? Я сказала, чтобы они поняли:

— У нас все общее. И улица, и школа. У нас есть хомячок. Он набьет щеки...

заметила, что они не верят мне. И чтобы они поверили, выпалила:

— У нас даже почерк одинаковый!

— Почерк? — Они удивились еще больше.

А что? Почерк!

Неожиданно они повеселели, от почерка:

— Это очень хорошо! Это прямо находка. Поедем с нами.

— Никуда я не поеду. Я хочу строить...

— Ты будешь строить! Ты будешь для памятника писать Таниным почерком.

Могу, — согласилась я. — Только у меня нет карандаша. Дадите?

— Ты будешь писать на бетоне. На бетоне не пишут карандашом.

Я никогда не писала на бетоне. Я писала на стенках, на асфальте, но они привезли меня на бетонный завод и дали Танин дневник — записную книжку с алфавитом: а, б, в... У меня есть такая же книжка. За сорок копеек.

Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано:

«Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г.».

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти.

Но я василеостровская. И если у подруги умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

— Давайте ваш бетон. Буду писать.

Кран опустил к моим ногам огромную раму с густым серым тестом. Я взяла палочку, присела на корточки и стала писать. От бетона веяло холодом. Писать было трудно. И мне говорили:

— Не торопись.

Я делала ошибки, заглаживала бетон ладонью и писала снова.

У меня плохо получалось.

— Не торопись. Пиши спокойно.

«Бабушка умерла 25 янв. 3ч. дня 1942г.».

Пока я писала про Женю, умерла бабушка.

Если просто хочешь есть, это не голод — поешь часом позже.

Я пробовала голодать с утра до вечера. Вытерпела. Голод — когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце — все, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает.

«Лека умер 17 марта в 5 часов утра 1942г.».

У Леки был свой угол, отгороженный шкафами, он там чертил.

Зарабатывал деньги черчением и учился. Он был тихий и близорукий, в очках, и все скрипел у себя своим рейсфедером. Мне рассказывали.

Где он умер? Наверное, на кухне, где маленьким слабым паровозиком дымила «буржуйка», где спали, раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти. Леке не хватило лекарства...

— Пиши, — тихо сказали мне.

В новой раме бетон был жидкий, он наползал на буквы. И слово «умер» исчезло. Мне не хотелось писать его снова. Но мне сказали:

— Пиши, Валя Зайцева, пиши.

И я снова написала — «умер».

«Дядя Вася умер 13 апр. 2ч. ночь 1942г.».

«Дядя Лёша 10 мая в 4 ч. дня 1942г.».

Я очень устала писать слово «умер». Я знала, что с каждой страничкой дневника Тане Савичевой становилось все хуже. Она давно перестала петь и не замечала, что заикается. Она уже не играла в учительницу. Но не сдавалась — жила. Мне рассказывали... Наступила весна. Зазеленели деревья. У нас на Васильевском много деревьев. Таня высохла, вымерзла, стала тоненькой и легкой. У нее дрожали руки и от солнца болели глаза. Фашисты убили половину Тани Савичевой, а может быть, больше половины. Но с ней была мама, и Таня держалась.

— Что же ты не пишешь? — тихо сказали мне. — Пиши, Валя Зайцева, а то застынет бетон.

Я долго не решалась открыть страничку на букву «М». На этой страничке Таниной рукой было написано: «Мама 13 мая в 7.30 час.

утра 1942 года». Таня не написала слово «умерла». У нее не хватило сил написать это слово.

Я крепко сжала палочку и коснулась бетона. Не заглядывала в дневник, а писала наизусть. Хорошо, что почерк у нас одинаковый.

Я писала изо всех сил. Бетон стал густым, почти застыл. Он уже не наползал на буквы.

— Можешь еще писать?

— Я допишу, — ответила я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз. Ведь Таня Савичева моя... подруга.

Мы с Таней одногодки, мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо. Не будь она василеостровской, ленинградкой, не продержалась бы так долго. Но она жила — значит, не сдавалась!

Открыла страничку «С». Там было два слова: «Савичевы умерли».

Открыла страничку «У» — «Умерли все». Последняя страничка дневника Тани Савичевой была на букву «О» — «Осталась одна Таня».

И я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестренки Люльки. Голодная. Под обстрелом.

В пустой квартире на Второй линии. Я захотела зачеркнуть эту последнюю страницу, но бетон затвердел, и палочка сломалась.

И вдруг про себя я спросила Таню Савичеву: «Почему одна?»

А я? У тебя же есть подруга — Валя Зайцева, твоя соседка с Васильевского острова. Мы пойдем с тобой в Румянцевский сад, побегаем, а когда надоест, я принесу из дома бабушкин платок, и мы сыграем в учительницу Линду Августовну. У меня под кроватью живет хомячок. Я подарю его тебе на день рождения. Слышишь, Таня Савичева?»

Кто-то положил мне руку на плечо и сказал:

— Пойдем, Валя Зайцева. Ты сделала все, что нужно. Спасибо.

Я не поняла, за что мне говорят «спасибо». Я сказала:

— Приду завтра... без своего района. Можно?

— Приходи без района, — сказали мне. — Приходи.

Моя подруга Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нем жила Таня Савичева и жили еще много других девчонок и мальчишек, которые так навсегда и остались в своем времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней.

А дружат ведь только с живыми.

...И плывет наш остров, как корабль: слева — Нева, справа — Невка, впереди — открытое море.

Вопросы для обсуждения:

1. От чьего лица ведётся в рассказе повествование?
2. О каких девочках идёт речь?
3. Что о себе и василеостровских девчонках говорит Валя? Какой Вы представляете эту девочку?
4. Что Вы узнали о Тане Савичевой из рассказа Юрия Яковлева «Девочки с Васильевского острова»?
5. Что объединяет этих двух девочек? Как сама Валя объяснила взрослым свою дружбу с Таней?
6. Как называлась дорога, которая связывала блокадный Ленинград с Большой землей?
7. А почему Валя решила отыскать её?
8. Почему Валю оставили на строительство памятника?
9. Какие чувства испытывала Валя, когда писала на бетоне Танин дневник? Что тяжелее всего было ей писать?

10. Как выглядит этот памятник?
11. А где он находится? (Памятник установлен детям блокадного Ленинграда на третьем километре Дороги жизни. Он называется “Цветок жизни”, о котором идёт речь в рассказе. Текст на памятнике: " Во имя жизни и против войны детям – юным героям Ленинграда 1941-1944". На лепестках этого каменного цветка высечены слова: “Пусть всегда будет солнце!”, а рядом с ними можно увидеть каменные страницы дневника Тани Савичевой)
12. Почему, по мнению Вали, фашисты не вошли в Ленинград?
13. Что значит “остались в своём времени”? Почему Валя говорит о них как о живых?
14. Можно назвать этот рассказ «путешествием во времени»?

С. Алексеев. Буханка

Надя Хохлова, Надя Реброва — две девушки, две подружки. Живут по соседству. Рядом их улицы. На Расстанной живёт Хохлова. Реброва живёт на Лиговке. Давно они дружат. Вместе росли, вместе учились в школе. На заводе работают нынче вместе. И той и другой по шестнадцать лет.

Хорошо они трудятся. Хвалят подружек. Снаряды завод выпускает для фронта. Две нормы выработывает Надя Хохлова, две — Надя Реброва. В числе первых стараются быть подружки. Нелёгкие дни в Ленинграде. Есть подружкам всё время хочется.

Утром проснутся. Хочется кушать.

Бегут на работу. Хочется кушать.

Стоят у станков. О еде мечтают.

Уж так, уж так порой им хочется кушать... Голова у подружек кружится.

Мечтают подружки: — Вот бы буханку хлеба.

— Хоть одну на двоих, — скажет Надя Хохлова.

— Хоть одну на двоих, — согласится Надя Реброва.

— Вот бы упала буханка с неба! Возвращались как-то они с работы. Вот она, Лиговка. Скоро Расстанная. Угол Расстанной и Лиговки. Расстанутся тут подружки. Надя Хохлова ещё дальше немного пройдёт по Лиговке. Надя Реброва свернёт на Расстанную.

Идут подружки. Зима. Мороз. Сугробы снега в рост человеческий слева, справа. Час вечерний. Пустынно сейчас на Лиговке. Двое всего на Лиговке Надя Хохлова, Надя Реброва. Вечер. Зима. Мороз.

Шагают подружки. Скрип, скрип — под ногами снег. Обогнала подружек автомашина. Грузовик. Брезентом что-то прикрыто сверху. Запах почудился вдруг подружкам. Знакомый, щемящий, кричащий запах. Переглянулись подружки — так это ж хлеб!

Действительно, хлеб в машине. Торопилась машина к булочной. Смотрят

подружки. Вырывается криком голод:

— Вот бы буханку хлеба.

— Хоть одну на двоих?

— Хоть одну на двоих!

Идёт, огибает машина сугробы. И вдруг просвистел, прогудел, ударил рядом с машиной снаряд. Разорвался он рядом с мотором. Разнесло кабину. Убило шофёра. Сорвало борта у машины. Посыпались буханки на мостовую чуть ли не прямо к ногам подружек.

Смотрят подружки: буханки! Хлеб! Подбежали они к машине.

Что-то шепчет: хватай, бери, не повторится такое чудо.

Но тут же и новый голос: не трогай, не смей, в каждой буханке чужая доля.

Что-то шепчет: смелей, вы одни, вспомните тех, кто дома.

Но тут же тот строгий голос: не смей на чужой беде строить свою удачу.

Наклонились подружки. Взяли по буханке. Смотрит Надя Хохлова на Надю Реброву. Смотрит Надя Реброва на Надю Хохлову. Постояли они секунду. Наклонились, взяли ещё по буханке, по две, по три. Поднялись, пошли к машине. Положили буханки опять в машину. Вскоре появились другие прохожие. Старуха какая-то, подросток, девчонка, какой-то старик, две молодые женщины. Смотрят прохожие — хлеб! Видят Хохлову, видят Реброву. Подошли, наклонились, тоже стали грузить на машину хлеб. Собрали буханки люди. Кто-то куда-то сбегал, сообщил о случившемся. Вскоре другая пришла машина. Перегрузили на эту машину хлеб. Гуднула, ушла машина.

Смотрит ей вслед Надя Хохлова, смотрит Надя Реброва. Смотрят другие люди.

И снова, и снова, и снова — до крика, до слез, до боли: хочется людям есть, хочется людям есть.

— Вот бы — буханку. Хоть одну на двоих. Хоть одну на троих, на пятерых, семерых. Хотя бы — кусочек хлеба!

Вопросы для обсуждения:

1. Какие чувства переполняли девушек?
2. Почему они не посмели взять себе хоть одну буханку хлеба?
3. Почему хлеб был так важен в блокадном Ленинграде?
4. Представляете ли вы объем нормы хлеба, который выдавали по карточкам ленинградцам?
5. Поразил ли вас поступок подруг?